

О ЧУВСТВЕННОМ
ВОСПРИЯТИИ

I

После того как о душе самой по себе уже подробно изложено, а именно о способностях (περὶ τῶν δυνάμεων) каждой ⟨души⟩ согласно ее частям, следует внимательно рассмотреть то, что касается живых существ и вообще всех наделенных жизнью, то есть ⟨выяснить⟩ какие действия (πράξεις) свойственны им по отдельности (ἴδια) и какие у них общие (κοινά). Итак, то, что сказано о душе, пусть послужит нам основанием, об остальном же давайте будем рассуждать, и в первую очередь о началах.

Кажется, что большинство ⟨состояний⟩, и те, что общие (τὰ κοινά) ⟨для всех живых существ⟩, и те, что свойственны каждому живому существу в отдельности (τὰ ἴδια), относятся как к душе, так и к телу, например способность воспринимать (αἴσθησις) и память (μνήμη), а также желание (θυμός), влечение (ἐπιθυμία) и вообще всякое стремление (ὄρεξις), и, помимо всего прочего, ⟨способность⟩ испытывать удовольствие (ἡδονή) и страдание (λύπη). Ведь это присуще почти всем живым существам. Кроме того, что-то как общее присуще всему тому, что причастно жизни, а что-то ⟨есть⟩ лишь у некоторых из живых существ. Кажется, что основные из этих ⟨состояний⟩ составляют четыре пары, а именно бодрствование и сон (ἐγρήγορος καὶ ὕπνος), молодость и старость (νεότης καὶ γῆρας), вдох и выдох (ἀναπνοή καὶ ἐκπνοή), жизнь и смерть (ζωή καὶ θάνατος). Их-то и следует рассмотреть, то есть что каждое из них такое и в силу каких причин возникает. Ибо дело физика распознавать первые причины как здоровья, так и болезни. Ведь ни здо-

ровье, ни болезнь не могут возникать у того, что лишено жизни. Поэтому-то не чужды рассуждениям о природе и большинство врачей, которые мудро следуют своему искусству, ведь одни видят своей целью ⟨только⟩ то, что касается врачебного дела, а другие, ⟨занимаясь врачебным искусством⟩, исходят из того, что касается природы.

Итак, ясно, что все, о чем сказано, является общим как для души, так и для тела. Ведь все происходит либо вместе с чувственным восприятием, либо посредством чувственного восприятия, а кое-что, с одной стороны, оказывается его (т.е. чувственного восприятия) преходящими состояниями (τὰ πάθη), с другой же — постоянными (ἔξεις), что-то — средством защиты и самосохранения, а что-то — гибелью и лишением. А что чувственное восприятие возникает в душе посредством тела, ясно и без лишних рассуждений. Что же касается чувственного восприятия (περὶ αἰσθήσεως) и того, как оно происходит (τοῦ αἰσθάνεσθαι), что оно такое и благодаря чему возникает у живых существ это претерпевание (τοῦτο τὸ πάθος), уже сказано в сочинении *О душе*.

У живых существ, поскольку каждое из них живое, обязательно должна быть способность чувственного восприятия. Ибо именно таким образом мы различаем одно как живое, другое как неживое. И каждому в отдельности ⟨живому существу⟩ обязательно сопутствует осязание и вкус, причем осязание ⟨сопутствует⟩ по причине, указанной в сочинении *О душе*, а вкус — через употребление пищи, ибо с его помощью ⟨живое существо⟩ различает приятное и неприятное в отношении пищи, так чтобы одного избегать, а к другому стремиться, да и вообще, вкусовое ощущение испытывает тот, кто принимает пищу (ὁ χυμός ἐστι τοῦ φρεντικῆς πάθος). А чувственные восприятия, возникающие под внешним воздействием благодаря тому, что может вызывать их, такие как обоняние, слух и зрение, присущи всем: одним, кто ими обладает,

в интересах самосохранения, чтобы они преследовали добычу, предчувствуя ее заранее, и избегали всего дурного и грозящего гибелью, а другим, у которых есть разумное начало, в интересах блага, ибо они сообщают о многочисленных различиях, из которых рождается понимание (φρόνησις) как умопостигаемого (τῶν νοητῶν), так и действий (τῶν πρακτῶν).

Из этих вышеперечисленных способностей зрение само по себе является более важным для жизни, а для ума привходящим образом (κατὰ συμβεβηχός) (более важным является) слух, ведь способность зрения (ἡ τῆς ὀφθαλμοῦ δυνάμις) сообщает о разного рода многочисленных различиях в силу того, что всем телам присущ какой-то цвет, так что благодаря этой способности (можно) лучше всего воспринимать общее (τὰ κοινά), я имею в виду размер, очертание, движение, количество, а способность слышать (сообщает) лишь о различиях шума, правда, некоторым (сообщает) также и (о различиях) звука. Ведь речь является источником знания, потому что ее можно услышать, то есть не сама по себе, а привходящим образом, ибо она складывается из (отдельных) слов, каждое из которых есть символ. Поэтому слепые более разумны, чем немые и глухие, от рождения лишённые одного или другого чувственного восприятия.

II

Итак, о том, что касается значения, которое присуще каждому из чувственных восприятий, сказано выше. А вот (что касается) тела, (а именно) в каких органах чувств от природы возникает (каждое из чувственных восприятий), то тут некоторые проводят исследование согласно составным частям тел. И так как они затрудняются свести к четырем (элементам) пять существующих (чувственных восприятий), то они и спорят по поводу этого пятого. И все считают, что зрение от огня (τῆν ὀψιν πυρός), потому что не понимают при-

чину этого претерпевания. Ведь ⟨им⟩ кажется, что огонь сияет, когда глаз испытывает давление и совершает движение. А такое обычно бывает в темноте или же когда веки сомкнуты, ибо и тогда наступает темнота.

Впрочем, здесь возникает и другое затруднение. Ведь если невозможно, чтобы человек, когда он не воспринимает и не видит, пребывал в неведении ⟨относительно этого⟩, то, следовательно, глаз обязательно должен видеть самого себя. Так почему же такое не случается с находящимся в состоянии покоя ⟨глазом⟩? Причину же этого, а также затруднения, будто зрение есть огонь, нужно постичь вот откуда. Ведь ⟨все⟩ гладкое естественным образом в темноте блестит, правда, не излучает при этом свет, и у глаза так называемая черная часть и середина гладкие. Когда глаз приходит в движение относительно этого (т. е. зрачка), кажется, будто бы вследствие соединения одно становится двумя. Такое достигается быстротой движения, так что кажется, будто зрение и созерцаемое разное. Поэтому ⟨такого⟩ не случается, когда ⟨движение⟩ происходит медленно и в темноте. Ведь гладкое в темноте естественным образом блестит, как, например, головы каких-то рыб или черная жидкость, которую выделяет сепия, а если глаз перемещается медленно, то не создается впечатления, будто зрение и созерцаемое одновременно есть и одно и два. Таким образом, глаз сам созерцает себя, словно в отражении (ἐν τῇ ἀνακλάσει). Поскольку если бы ⟨зрение⟩ было огнем, как говорит Эмпедокл и как написано в *Тимее*, и видеть ⟨можно было⟩ благодаря исходящему, словно из светильника, свету, то почему зрение не смогло бы видеть и в темноте? А говорить, что в темноте исходящее ⟨зрение⟩ гаснет, как говорится в *Тимее*, значит говорить бессмыслицу. Ибо что такое затухание света? Ведь гаснет от влаги или холода горячее или сухое, например огонь в углях или пламя, из чего ни то, ни другое, как кажется, не присуще свету. Стало быть,

если (затухание) и возможно, однако по причине того, что (оно) незаметно, мы его не видим, свет должен был бы гаснуть днем во время дождя, и во время морозов сумерки должны были бы наступать скорее. В отношении пламени и обожженных огнем тел такое в самом деле происходит. В данном же случае ничего такого нет.

Иногда кажется, что Эмпедокл считает, будто он видит, как он сказал однажды, потому, что исходит свет. Итак, говорит он следующее:

«Словно когда кто-то, замышляя путешествие в ненастную ночь, готовит себе светильник, блеск горящего огня, зажигая лучины, отражающие всякие ветры, (лучины), которые рассеивают дыхание дующих ветров, огонь же, наружу выпрыгивающий настолько, поскольку он поднимается выше, освещает порог неослабевающими лучами. Так и тогда, огонь древний, заключенный в оболочку и тонкие ткани, породил круглооую девочку, (лучи) пробуравили чудесными воронками насквозь (отверстия), (воронками), которые стали отражать воду, обтекающую вокруг, от глубины, а огонь стал выходить наружу, поскольку он поднимался выше»¹ (*DK B84, 1-11*).

То он говорит, что видят таким образом, то (говорит), что от истечений, исходящих от созерцаемого.

Демокрит же, с одной стороны, когда говорит, что (зрение) — вода, говорит прекрасно, а когда (говорит), что зрение кажется отражением, говорит неудачно. Это ведь происходит потому, что глаз гладкий и находится не в созерцаемом, но в созерцающем. Ибо отражение (*ἀνάκλασις*) — это претерпевание (*τὸ πάθος*), однако вообще об отражающемся и об отражении, как представляется, еще не все было (сказано). Странно и то, что ему не пришло на ум задаться вопросом, почему видит только глаз, а не что-либо из остального, (обладающего

¹Перевод наш. — Е. А.

такими же свойствами), в чем отражаются образы.

В самом деле, с одной стороны, правда, что зрение причастно воде, однако зрение (возможно) не потому, что (оно) — вода, но потому, что (оно) — прозрачное (*διαφανές*), что присуще также и воздуху. Однако вода более плотная, чем воздух. Поэтому зрачок и глаз причастны воде. Это ясно и на примере самих действий. Ибо из разлагающегося (глаза), как кажется, вытекает вода, и, например, у зародышей (вода) отличается холодностью и прозрачностью, и глазной белок у тех, кто имеет кровь, плотный и блестящий. Что бывает вот почему: влага не застывает до такого состояния, чтобы оставаться в покое, именно поэтому и самая нечувствительная к холоду (часть) тела — глаз. Ведь никогда ни у кого не замерзало то, что внутри век. А у тех, кто лишен крови, глаза покрыты жесткой оболочкой, и тем самым образуется защита. И вообще, неразумно (считать), что зрение видит в силу чего-то исходящего и простирается вплоть до звезд или же вплоть до чего-то, с чем оно, исходя, приходит в тесное соприкосновение, как говорят некоторые. Тогда уж лучше (считать), что сближение происходит в начале (самого) глаза. Однако и это наивно. Ибо что значит сближение света со светом, и как подобное может быть (ведь что угодно не соединяется с чем угодно), и как то, что внутри (может соединиться) с тем, что снаружи? Ведь между ними находится мембрана.

О том же, что невозможно видеть без света, сказано в других местах. Но свет ли, воздух ли пролегал посередине (*τὸ μετὰξὺ*) между тем, что видят, и глазом, (важно то, что) возникающее в этой среде движение порождает видение (*ἢ διὰ τοῦτου κίνησις ἐστὶν ἢ ποιοῦσα τὸ ὁρᾶν*). И разумно (полагать), что то, что находится внутри, причастно воде. Ведь вода прозрачна, видно же (бывает) со светом как снаружи, так и внутри. Следовательно, необходимо, чтобы было (нечто) прозрачное (*διαφανές ἄρα δεῖ εἶναι*). Следовательно, необходимо, чтобы (это)

была вода или воздух. Ведь не располагается же душа или воспринимающая часть души на кончике глаза, но ясно, что внутри. Поэтому то, что внутри глаза, обязательно должно быть прозрачным и светопроницаемым. И ясно это даже на (примере того), что случается. Ведь тем, кто были ранены в сражении в висок таким образом, что пути зрения оказались отрезаны, кажется, что наступил мрак, такой, как наступает, если потушить светильник, по той причине, что прозрачное, то есть так называемый зрачок оказался потушенным, словно некая лампа.

Так что, если в самом деле в таких случаях происходит так, как мы говорим, ясно, что если нужно отказаться от такого способа (рассуждения) и соединить каждый из органов восприятия с одним из элементов, то орган зрения следует отнести к воде, к воздуху же — орган восприятия шумов, к огню — орган обоняния (ибо то, что в действительности (ἐνεργεία) обоняние, то в возможности (δυνάμει) орган обоняния, то, что можно воспринимать чувствами, заставляет чувственное восприятие действовать (ἐνεργείν), так что неизбежно получается, что оно (т. е. чувственное восприятие) в возможности предшествует (δυνάμει πρότερον). И какой-нибудь запах дыма — испарение, а дымное испарение — от огня. Поэтому орган чувственного восприятия, связанный с обонянием, присущ тому месту, которое окружает мозг. Ведь материя холодного является теплой в возможности. И с происхождением зрения дело обстоит точно таким же образом. Ведь оно находится в зависимости от мозга. Ибо именно он связан с влагой и холодом находящихся в нем частей); (далее), орган осязания — к земле, а вкус является неким видом осязания, и поэтому орган их восприятия (т. е. вкуса и осязания) — около сердца. Ведь оно противоположно мозгу и является самой горячей из частей. Итак, пусть о телесных органах чувственного восприятия речь будет завершена таким образом.

III

О чувственно воспринимаемом согласно каждому (соответствующему) органу чувственного восприятия, таким как (органы) восприятия цвета, шума, запаха, света и осязания, в целом изложено в трактате *О душе*, а именно каково их действие (τὸ ἔργον) и что значит для каждого из них действовать (τὸ ἐνεργεῖν). Итак, нужно сказать, каково то, что к ним относится, а именно следует рассмотреть, что такое цвет, что такое звук, что такое запах и свет, а равным образом и насчет обоняния. И, прежде всего, (следует сказать) о цвете.

Итак, о каждом (из вышеперечисленных) говорится двояко, во-первых, в отношении действительности (τὸ μὲν ἐνεργεία) и, во-вторых, в отношении возможности (τὸ δὲ δύναμις). О цвете и шуме в действительности сказано в сочинении *О душе*, в каком смысле они одно и то же, а в каком не одно и то же, что и (само) чувственное восприятие в действительности (κατ' ἐνεργείαν), а именно зрение и слух. Теперь же давайте скажем о том, каково в отдельности то, что повлечет за собой чувственное восприятие и деятельность (τὴν αἰσθησίν καὶ τὴν ἐνεργείαν).

Итак, как выше было сказано о свете, а именно что он есть цвет прозрачного привходящим образом, ибо всякий раз как в прозрачном появляется нечто огневидное, присутствие (παρουσία) (этого) — свет, отсутствие (στέρησις) — тьма. А то, что мы называем прозрачным (διαφανές), не относится, собственно, ни к воздуху, ни к воде, ни к чему бы то ни было другому из числа так называемых тел, но такова общая природа и возможность (κοινὴ φύσις καὶ δύναμις), которая в отдельности (сама по себе) не существует, но есть в них (т. е. в воздухе и воде), а также присутствует и в других телах, в одних больше, в других — меньше. И, подобно тому как необходимо, чтобы в телах был некий предел (ἔσχατον), так и у нее (должен быть предел). Итак, с одной стороны, природа света заключается в неопре-

деленном прозрачном (ἡ τοῦ φωτὸς φύσις ἐν ἀορίστῳ τῷ διαφανεῖ ἐστίν), а с другой — ясно, что, пожалуй, есть какой-то предел прозрачного в телах (τοῦ δ' ἐν τοῖς σώμασι διαφανοῦς τὸ ἔσχατον), а что это и есть цвет, очевидно из привходящих обстоятельств. Ибо цвет либо находится в границах, либо сам границей является (поэтому-то пифагорейцы и называли наружность цветом). Ведь он существует в границе тела, однако границей тела не является, скорее нужно считать, что та же самая природа, которая снаружи принимает разные цвета, та же и внутри (тела).

Кажется, что и воздух, и вода имеют цвет, ведь таков их блеск. Однако ни воздух, ни море не являются в одном и том же цвете для смотрящих на них с близкого расстояния и издали по причине неопределенности (διὰ τὸ ἐν ἀορίστῳ) (границ). С другой же стороны, в телах, если окружающее не будет заставлять их изменяться, ограничено и проявление цвета (ἡ φαντασία τῆς χρώας). Итак, ясно, что как там, так и тут одно и то же может воспринимать цвет (τὸ αὐτὸ δεκτικὸν τῆς χρώας ἐστίν). Следовательно, прозрачное само по себе как такое присутствует в телах (однако во всем присутствует в большей или в меньшей степени) и делает возможной причастность цвету. И так как цвет (находится) в границе (тела), то он (будет) находиться и в границе прозрачного, так что цвет, пожалуй, — это граница прозрачного в ограниченном теле (χρῶμα ἂν εἴη τὸ τοῦ διαφανοῦς ἐν σώματι ὀρισμένῳ πέρας). У самих же прозрачных (тел), например у воды или у чего-то другого, подобного ей, и у всего того, чему, как кажется, присущ собственный цвет, у всех них (цвет) одинаково простирается вплоть до пределов.

Итак, с одной стороны, возможно, что и в прозрачном присутствует то, что в воздухе создает свет, с другой стороны, возможно, что и не присутствует, но, (наоборот), отсутствует. И наподобие того, как в том случае (т. е. в воздухе): одно — свет,

другое — тьма, так и в телах возникает белое и черное.

Теперь нужно сказать об остальных цветах, а именно в скольких смыслах ⟨они⟩ могут возникать, если ⟨их⟩ разделить. Ведь возможно, чтобы белый и черный были таким образом расположены рядом друг с другом, чтобы каждый из них, с одной стороны, был невидим по причине незначительности, а с другой — видно было то, что ⟨возникает⟩ из них обоих. Ведь это не может казаться ни белым, ни черным. А так как какой-то цвет обязательно должен быть, и невозможно, чтобы это был какой-то из этих (т. е. белый или черный), то неизбежно ⟨оказывается⟩, что есть нечто смешанное и некий иной вид цвета. Поэтому можно, таким образом, понять, что, с одной стороны, наряду с белым и черным существуют еще и другие цвета, а с другой — ⟨они⟩ многочисленные по соотношению (ведь три относится к двум, и три относится к четырем, и согласно другим числам ⟨они⟩ могут быть расположены рядом друг с другом, а некоторые ⟨цвета⟩ вообще не подчиняются никакому соотношению, но ⟨располагаются⟩ по некой интенсивности и неизмеримому недостатку ⟨цвета⟩), и точно так же они ведут себя и в сочетаниях: ибо цвета, подчиненные упорядочивающему числу, подобно тому как в созвучиях, кажутся самыми приятными из цветов, например пурпурный и алый или некоторые такого же рода (именно по этой причине и соотношений немного), а остальные цвета — не ⟨упорядочены⟩ числами; или же и все цвета существуют согласно числовым соотношениям, одни как упорядоченные, а другие — как неупорядоченные, и эти последние возникают как такие, когда не являются чистыми, потому что они не подчинены числовым соотношениям.

Итак, один способ возникновения ⟨разных⟩ цветов такой ⟨как сказано выше⟩, а другой — проявление ⟨цветов⟩ друг через друга, что иногда делают художники, накладывая один цвет поверх друго-

го, более прозрачного, как когда они хотят изобразить явление в воде или в воздухе; и как, например, солнце само по себе белое, но сквозь тьму и дым кажется красным. И поэтому ⟨разных⟩ цветов будет ⟨образовано⟩ много, так же как и вышеназванным образом. Ибо, пожалуй, есть некое отношение поверхностных ⟨цветов⟩ к тем, что в глубине, а некоторые вообще вне соотношения.

Итак, говорить, как древние, что цвет есть истечение и что видим он по этой причине, нелепо. Ведь, вообще, для них ⟨оказывается⟩ неизбежным считать, что чувственное восприятие ⟨происходит⟩ через осязание, так что сразу лучше сказать, что чувственное восприятие возникает оттого, что промежуток (τὸ μεταξὺ) между чувственным восприятием приводится в движение тем, что вызывает чувственное восприятие, осязанием, а не истечением.

Таким образом, при условии, что цвета располагаются рядом друг с другом, приходится предполагать как то, что величина невидима, так и то, что время не воспринимается, чтобы возникающие движения оставались скрытыми и чтобы казалось, что они суть одно по причине того, что они являются одновременно. В данном случае в этом нет никакой необходимости: ведь поверхностный цвет, если он, будучи неподвижным, приводится в движение лежащим под ним ⟨цветом⟩, не создает одинакового движения. Поэтому и окажется ⟨цвет⟩ иным, а не белым или черным. Так что если невозможно ⟨допустить⟩, чтобы какая-то величина была невидимой, но любую с некоторого расстояния можно видеть, то она, пожалуй, и будет неким смешением цветов. И, как и в том случае, ничто не мешает, чтобы какой-то цвет казался общим для тех, кто ⟨смотрит⟩ издали. А то, что не существует невидимой величины (οὐδὲν μέγεθος ἄορατον), следует рассмотреть в дальнейшем. И если бывает смешение тел не только таким образом, как думают некоторые, ⟨а именно⟩ когда самые малые ⟨частицы⟩

располагаются рядом друг с другом и невидимы нам путем восприятия, но и вообще во всех отношениях ($\delta\lambda\omega\varsigma \pi\acute{\alpha}\nu\tau\eta \pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\varsigma$), как было сказано в сочинении *О смешении* ($\acute{\epsilon}\nu \tau\omicron\iota\varsigma \pi\epsilon\tau\acute{\epsilon}\rho\iota \mu\acute{\iota}\xi\epsilon\omega\varsigma$)² в целом обо всем (сразу) (ведь там (сказано), что смешиваются только те, которые можно разложить на мельчайшие (части), как, например, люди, или кони, или семена, ведь из людей (один) человек — самое маленькое, из коней — конь, так что в результате соположения их рядом друг с другом получается смешение большого количества и тех и других; и мы не говорим, что один человек смешался с одним конем; из того же, что не разлагается на мельчайшие (частицы), не может возникнуть смешение названным способом, но (может возникнуть) смешением вообще того, что от природы лучше всего смешивается; а каким образом это возможно, об этом сказано ранее в сочинении *О смешении*), то ясно, что и цвета смешивающихся неизбежно смешиваются и что эта именно причина отвечает за существование многообразия цветов, а не нахождение на поверхности и не расположения рядом друг с другом. Ведь ни с далекого расстояния, ни с близкого не виден (только) один какой-то цвет из числа тех, что составляют смесь, но отовсюду (видна смесь). И цвета будут многообразными из-за того, что, смешиваясь, они могут смешиваться друг с другом в разных соотношениях ($\chi\alpha\tau\acute{\alpha} \pi\omicron\lambda\lambda\omicron\upsilon\varsigma \lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon\varsigma$), причем одни в числовых соотношениях ($\acute{\epsilon}\nu \acute{\alpha}\rho\iota\theta\mu\omicron\iota\varsigma$), а другие только по преобладанию ($\chi\alpha\theta\prime \acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\omicron\chi\acute{\eta}\nu$). А в остальном же о смешивающихся (цветах) можно говорить тем же самым образом, каким в случае с цветами, полагаемыми рядом друг с другом или (лежащими) на поверхности. А по какой причине виды цветов ограничены, а не беспредельны, а также (виды) соков и шумов (т.е. вкусов и звуков), следует рассмотреть позже. Итак, что такое

²Сочинения с таким названием в *Corpus Aristotelicum* нет. Возможно, утрачено. См. *Düring I. Aristoteles. S. XIII–XIV*. См. далее на с. 115, примеч. 4.

цвет и по какой причине возникает многообразие цветов, сказано.

IV

Теперь следует повести речь об обонянии и вкусе. Ибо это почти одно и то же претерпевание (τὸ αὐτὸ πάθος), хотя и не в одних и тех же ⟨органах⟩ возникает каждое из них. Род вкусовых ощущений для нас яснее, чем род обоняния. Причина этого заключается в том, что из всех живых существ самая слабая способность обоняния у нас, и ⟨она самая слабая⟩ по сравнению со способностями, нам присутствующими, а способность осязания, наоборот, самая острая в сравнении с остальными живыми существами.

Итак, природа воды обычно безвкусная. Однако необходимо, чтобы или вода в себе самой заключала разновидности ⟨вызывающих вкусовые ощущения⟩ соков, не воспринимаемых по причине ничтожно малого количества ⟨каждого из смешивающихся соков⟩, как говорит Эмпедокл, или же материя должна быть такова, чтобы из нее возникало все многообразие всевозможных семян соков (πλυστέριαν χυμῶν), а именно одни — из одной части ⟨воды⟩, другие — из другой; или же так как вода не имеет никакого различия ⟨соков⟩, то причиной является некое начало, вызывающее ⟨различия⟩ (τὸ ποιοῦν αἰτίον), как, например, можно сказать, что если тепло, то ⟨причина тепла⟩ — солнце. Слишком, однако, бросается в глаза ошибочность того, что говорит Эмпедокл. Ибо мы видим, что соки плодов, у которых есть оболочка, меняются под воздействием тепла, если ⟨их⟩ снимают ⟨с дерева⟩ и подвергают воздействию солнечных лучей, так что их ⟨соки⟩ становятся такими не оттого, что извлекают ⟨какие-то свойства⟩ из воды, но ⟨оттого, что⟩ меняются внутри самой оболочки, а именно испаряются или, если их оставляют на долгое время, ⟨они⟩ из сладких становятся кисло-

ми, или горькими, или какими угодно другими, а подверженные кипячению, превращаются, так сказать, во все разновидности соков. Также невозможно, чтобы вода была материей всякого многообразия семян (*πανσπερμίας*), ведь мы видим, что из одной и той же (воды), как бы из источника питания, возникают различные соки. Итак, остается (предположить), что вода изменяется, потому что претерпевает нечто.

Ясно, что та способность, которую мы называем способностью обладать вкусом, возникает не только от возможности нагреваться. Ведь самая жидкая из всех существующих жидкостей — вода, (она) более жидкая даже, чем само оливковое масло (но оливковое масло по причине вязкости больше, чем вода, растекается (по поверхности), а вода жиже, поэтому воду труднее удержать в руках, чем оливковое масло), и так как, нагреваясь, только обычная вода не становится плотной, то ясно, что есть, пожалуй, какая-то другая причина. Ведь все жидкости имеют большую плотность, (чем вода). Тепло же — сопричина. И кажется, что соки, какие только не (находятся) под кожурой, те же самые находятся и в земле. Поэтому многие из древних физиологов говорят, что вода приобретает свойства той земли, через какую она проделывает путь. И это лучше всего видно на примере соленых вод. Ведь моря суть некий вид земли. И жидкости, процеженные через пепел, делают горьким сок, так как пепел горький, и многие источники горькие, а другие терпкие, а иные имеют другие разнообразные вкусы. И понятно, что в произрастающем от природы прежде всего возникает род соков. Ибо влажное от природы претерпевает изменения со стороны противоположного, как и все остальное. А противоположное (влажному) — сухое. Поэтому и от огня (влажное) испытывает нечто. Ведь природа огня — сухая. Но огню присуще тепло, земле же — сухость, как сказано в сочинении *Об элементах* (ἐν

τοῖς περὶ στοιχείων)³. И так, в той мере, в какой одно — огонь, другое — земля, ни первое не существует, чтобы действовать и претерпевать, ни второе, но насколько противоположность присутствует в каждом, настолько и действуют они и претерпевают. И подобно тому как те, кто разводит в воде краски и соки, делают так, что и вода ⟨приобретает⟩ такое ⟨свойство⟩, так же и природа ⟨делает в отношении⟩ сухого и землистого, и, пропуская ⟨воду⟩ через сухое и землистое и приводя в движение с помощью тепла, она создает некую влагу ⟨того или иного свойства⟩. Это и есть вкус, ⟨т.е.⟩ претерпевание, возникающее во влажном под воздействием вышеназванного сухого, ⟨претерпевание⟩ вкусового ощущения, существующего в возможности, перешедшее в действительность. Ведь то, что вызывает чувственное восприятие, движется по направлению к тому, что в возможности уже дано (εἰς τοῦτο δυνάμει προὔπαρχον). Ведь чувственное восприятие аналогично не приобретению, а использованию знаний (τὸ θεωρεῖν).

А что соки суть наличие (πάθος) или лишенность (στέρησις) не любого сухого, но питательного, следует понять вот откуда: ведь ни сухое без влажного, ни влажное без сухого ⟨не является питательным⟩. Ведь для живых существ пищу составляет не ⟨что-то⟩ одно, но смешанное. И когда живые существа получают питание, то именно осязаемое из числа чувственно воспринимаемого вызывает рост и гибель. А причина этого ⟨заключается в том⟩, что ⟨живые существа⟩ получают теплое и сухое (ведь именно это доставляет рост и гибель), а кормит то, что присоединяется, в той степени, в какой оно вкушаемо (ведь все получает питание от сладкого, или от него одного, или в смеси). Это необходимо подробно рассмотреть в со-

³Сочинения с таким названием в *Corpus Aristotelicum* нет. Возможно, утрачено. См. Düring I. Aristoteles. S. XIII—XIV. См. ниже примеч. 4.

чинении *О возникновении* (ἐν τοῖς περὶ γένεσεως)⁴, теперь же (мы рассматриваем ровно настолько), насколько необходимо коснуться этих вещей (для данного случая). Ибо теплое увеличивает, и доставляет питание, и всасывает легкоусваиваемое, а соленое и горькое оставляет по причине (их) тяжести. Действительно, то, что делает тепло, находящееся снаружи, в телах, находящихся снаружи, то (же самое делает тепло), находящееся в природе живых существ и растений. Поэтому (живое существо или растение) питается сладким. Остальные же соки примешиваются к пище тем же самым способом, как соленое и острое, (т. е.) в качестве приправы, а они, в свою очередь, выступают в качестве противодействия, потому что сладкое чрезмерно питательно и всплывает наверх.

И подобно тому как цвета возникают из смешения черного и белого, так же и соки (из смешения) сладкого и горького и в зависимости от соотношения в большей или меньшей степени являются каждым из них (т. е. сладким или горьким), будь то смешения или движения в каких-то числовых соотношениях, будь то неопределенным образом, но только те смеси доставляют удовольствие, которые (соединены) согласно числовым соотношениям. Итак, только сок сладкого богат (питательными веществами), а соленое и горькое суть почти одно и то же, а пряный (вкус), и острый, и кислый — посередине. Ибо практически одно и то же суть виды соков и виды цветов. Ведь их существует семь видов, если считать, что вполне

⁴Сочинение *О возникновении и уничтожении* (в переводе Т. А. Миллер опубликовано в: *Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1976–1983. Т. 3*) примыкает к IV кн. *О небе*. Оно состоит из двух частей. В первой Аристотель рассматривает возникновение (γένεσις), изменение (μεταβολή), смешение (μίξις). Во второй книге он рассматривает элементы (τὰ στοιχεῖα), а именно землю, воду, воздух и огонь. Вероятно, можно хотя бы частично отождествить I кн. *О возникновении* с сочинением *О смешении* (см. с. 111), а II кн. — с сочинением *Об элементах* (см. с. 113).

разумно, что серый — это в некотором роде черный. Итак, осталось *⟨сказать⟩*, что желтый относится к белому, как маслянистое к сладкому, а пурпурный, алый, зеленый и темно-синий *⟨лежат⟩* между белым и черным, а остальные — смешаны из них. И подобно тому, как черный есть лишенность в прозрачном белом, так и соленое и горькое *⟨суть⟩* лишенность сладкого в питательной жидкости. Поэтому и зола, образующаяся от любого сжигания, горькая, ведь из нее испаряется пресная жидкость.

Демокрит и большинство физиологов, которые рассуждают о чувственном восприятии, делают нечто в высшей степени странное. Ведь они считают, что все доступное чувственному восприятию осязаемо. Однако, если дело обстоит таким образом, то ясно, что каждое чувственное восприятие — это некое осязание. Но нетрудно заметить, что это невозможно. И еще они пользуются общим для всех чувственных восприятий (τοῖς κοινοῖς τῶν αἰσθησέων πασῶν) как отдельным (ὡς ἰδίαις). Ведь величина (μέγεθος), очертание (σχῆμα), шероховатое (τὸ τραχύ) и гладкое (τὸ λείον), а также острое (τὸ ὀξύ) и тупое (τὸ ἀμβλύ) в объемных *⟨вещах⟩* являются общими для чувственных восприятий (κοινὰ τῶν αἰσθησέων), если не для всех, то, по крайней мере, для зрения и осязания. Поэтому в этом отношении они совершенно заблуждаются, а в отношении отдельно *⟨воспринимаемого для каждого чувственного восприятия⟩* не ошибаются, например, зрение ведь относится к цветам, а слух — к шуму. А они свойственное отдельным чувственным восприятиям *⟨из⟩* воспринимаемого сводят к этим (т. е. к общим), *⟨как⟩* например *⟨делает⟩* Демокрит. Ведь он говорит, что из белого и черного одно — быстрое, другое — гладкое, и вкусовые ощущения он тоже приводит к такой схеме. Однако же различать обшее (τὰ κοινὰ) скорее *⟨присуще⟩* зрению, чем какой-либо иной способности, а если *⟨допустить, что⟩* скорее вкусу, ведь различать самое малое в отношении каждого рода — дело самого точного чувственного

восприятия, то вкус воспринимал бы лучше всего общее и лучше всего распознавал бы очертания. Далее, все чувственно воспринимаемое имеет противоположность, например, в цветах черному противоположно белое, а во вкусах сладкому — горькое. А вот ⟨одна⟩ фигура, как кажется, не противоположна ⟨другой⟩ фигуре. Ведь, в самом деле, какому из многоугольников противоположна окружность? Далее, если число фигур бесчисленно, то и вкусов должно быть тоже бесконечно много. Так почему же один вкус вызывает чувственное восприятие, а другой, пожалуй, нет? Итак, о том, что вкушают, и о вкусе сказано. А остальные претерпевания, связанные с соками, получили должное рассмотрение в сочинении *О растениях* (ἐν τῇ φυσιολογίᾳ τῆ περὶ φυτῶν)⁵.

V

Точно таким же образом нужно понимать и то, что ⟨происходит⟩ с запахами. То же самое, что в жидкости производит сухое, то же в другом роде делает богатая соками влага, как в воздухе, так в равной степени и в воде. (Ибо мы говорим, что им общо прозрачное, а с другой стороны, нечто обладает запахом не в силу того, что оно прозрачное, а в силу того, что оно ⟨как бы⟩ выстирывает или вымывает имеющую запах сухость.) Ведь не только в воздухе, но и в воде есть то, что относится к обонянию. Ясно это на примере рыб и черепах. Ибо все это может обонять, хотя в воде нет воздуха (ведь воздух, когда образуется, плавает на поверхности) и они не дышат. Следовательно, если предположить, что и воздух, и вода влажные, то, пожалуй, ⟨получится, что⟩ природа благоухающего в жидкости сухого будет запахом и то, что можно нюхать, такого рода. А то, что это претерпевание исходит от обладающего запахом, ясно на приме-

⁵См. с. 8, примеч. 10.

ре того, что имеет, и того, что не имеет запах. Ведь элементы нельзя обонять, например воздух, землю, воду, по причине того, что ни сухие, ни влажные из их числа не имеют вкуса, если не составляют какой-то смеси. Поэтому и море имеет запах (ведь оно имеет сок и сухость), а морские воды пахнут сильнее, чем щелок (испаряющееся из них масло наглядно *⟨это⟩* показывает), а щелок пахнет сильнее, чем земля. Далее, нельзя обонять камень, ведь это нечто лишненное запаха, а дерево можно обонять, ведь оно обладает запахом, а водянистое — хуже, чем деревянное. Далее, из того, что добывают из недр, невозможно обонять золото, ведь это нечто лишненное запаха, а вот медь и железо — можно, особенно, когда жидкость испарилась, шлаки становятся пахучими. А серебро и олово более пахучи, чем одно, и менее пахучи, чем другое, ведь они водянистые.

Некоторым кажется, что пары дыма и есть запах, общий как земле, так и воздуху. Поэтому Гераклит и сказал, что если все сущее, пожалуй, станет дымом, то ноздри распознают *⟨это⟩*, и все по этому говорят об обонянии, одни как о дыхании, другие как об испарении, а третьи как о том и о другом. И говорят, будто дыхание как некая влага и дым, подобно испарению, общие и для воздуха, и для земли: из первого образуется вода, а из второго — некий вид земли. Но и то и другое едва ли *⟨дают правильный ответ на вопрос о том, что такое запах⟩*. Ибо дыхание относится к воде, а пары дыма не могут возникать в воде. Между тем, *⟨существа⟩*, которые обитают в воде, тоже обладают обонянием, как было сказано выше. Далее, об испарении говорится так же, как и об истечениях. Но как о том, так и об этом неудачно. Итак, вполне ясно, что жидкое можно пробовать и в дыхании, и в воде и можно испытывать нечто от обладающего запахом сухого *⟨тела⟩*. Ведь и воздух по природе влажен. Далее, если сухое действует одинаково и во влажном, и в воздухе, будто бы омывае-

мое (водой), то ясно, что запахи обязательно будут аналогами сокам. Однако же такое, хотя и бывает в некоторых случаях, но привходящим образом. Ведь и запахи бывают пряные, сладкие, острые, кислые и благоухающие, а аналогами горьких можно, пожалуй, назвать гнилые. Поэтому гнилое неприятно для обоняния, подобно тому как то (т. е. горькое) неприятно для питья. Следовательно, ясно, что то же самое, что в воде сок, то в воздухе и воде — запах. И поэтому холодное и лед притупляют вкусовые свойства и уничтожают запахи. Ибо охлаждение и замерзание жидкости уничтожают тепло, приводящее в движение и производящее (действие).

Видов же обоняния два. Ибо совсем не так обстоит дело, как говорят некоторые, будто нет (нескольких) видов обоняния, но, (наоборот), есть. И следует определить, каким образом есть и каким нет. Ибо один их (вид) аналогичен вкусовым ощущениям, как мы сказали, а приятное или неприятное в них существует привходящим образом (ведь по причине того, что существуют претерпевания, связанные с питательным началом, такие запахи (т. е. запахи пищи) для испытывающих (голод) приятны, а для тех, кто насытился и ни в чем не испытывает нужды, неприятны, а также (неприятны) и всем тем, кому неприятна пища, имеющая запах); так что одни (запахи), как мы сказали, привходящим образом доставляют приятное и неприятное, поэтому являются общими для всех живых существ. А с другой стороны, некоторые из запахов приятны сами по себе, например запахи цветов. Ведь они ни больше, ни меньше не побуждают к пище и никак не удовлетворяют желание, но, скорее, напротив. Прав Страттид, в шутку над Еврипидом сказавший: «Когда варите чечевичную похлебку, не нужно наливать масло мирры». И те, кто теперь примешивают к напиткам такого рода добавки, (способные вызывать аромат) до тех пор, пока из двух чувственных восприятий не возоблада-

ет приятное (ощущение), словно от одной (только добавки), принуждаются (к этому) привычкой к удовольствию.

Итак, с одной стороны, способность воспринимать запахи свойственна человеку, а с другой стороны, так как (обоняние) аналогично вкусовым ощущениям, то и остальным живым существам, как сказано выше. И в силу того, что приятное существует привходящим образом, виды их (т.е. виды таких запахов) разделены согласно вкусовым ощущениям, а у этого (т.е. запаха, приятного самого по себе) никоим образом в силу того, что его природа сама по себе приятная или неприятная. А причина того, что такого рода обоняние свойственно человеку, заключается в свойстве мозга (διὰ τὴν ἔξιν τὴν περὶ τὸν ἐγχείφαλον). Ведь так как мозг по природе влажный и кровь в артериях вокруг него, с одной стороны, жидкая и чистая, а с другой — легко охлаждающаяся (поэтому испарение пищи, охлаждающееся в этом месте, создает болезненные потоки), то у людей появился такой вид обоняния для того, чтобы помогать здоровью. Ведь у него (т.е. у обоняния) нет другого дела, кроме этого. И это дело (оно) осуществляет явным образом. Ведь пища, хотя и приятная, как сухая, так и влажная, часто вредит здоровью, а благоухание, исходящее от приятного самого по себе запаха, всегда, так сказать, приносит пользу тем, кто так или иначе может (вдыхать его). И поэтому (обоняние) возникает через вдох, однако же не у всех, но у людей и некоторых имеющих кровь, например у четвероногих, причем постольку, поскольку (оно) весьма сильно причастно природе воздуха. Ведь если запахи поднимаются к мозгу по причине того, что тепло, находящееся в них, легкое, то окружающее это место (т.е. мозг) более здорово. Ведь способность обоняния по своей природе теплая. Природа нашла для дыхания двойное применение: во-первых, как действие для помощи грудной клетке, а во-вторых, как побочное действие

для обоняния. Ведь она вызывает движение через ноздри, словно из прохода, затягивающего воздух.

Природе человека свойственен подобный род обоняния по причине того, что *человек*, если измерить, имеет самый большой и самый влажный мозг в сравнении с остальными живыми существами. Ведь именно поэтому, так сказать, среди живых существ *только* человек воспринимает и радуется запахам цветов и тому подобного. Ведь тело и движение у людей соразмерны преобладанию в мозгу влажности и холода. Остальным же *живым существам*, которые имеют легкие, природа предоставила чувственное восприятие путем вдыхания иного рода запаха, чтобы не создавать двух органов чувственного восприятия, ибо *им и этого* достаточно, так как у них, когда они вдыхают, есть чувственное восприятие только одних *видов*, наподобие того, как у людей есть чувственное восприятие обоих видов. А те, кто не дышат, лишены способности обоняния, это ясно. Ведь и рыбы и весь род насекомых безошибочно воспринимают с помощью обоняния подходящую пищу издалека по причине питательного запаха, даже если находятся на очень большом расстоянии *от нее*. Например, пчелы и род маленьких муравьев, которых некоторые зовут тлей, а также среди морских жителей это улитки и многие другие из такого рода живых существ благодаря обонянию остро воспринимают пищу. А что органы восприятия *запахов* у них разные, это ясно. Поэтому может возникнуть затруднение относительно того, чем воспринимают они запах, если у тех, кто дышит, обоняние возникает только одним способом (ведь кажется, что такое свойственно всем вдыхающим), однако никто из них не вдыхает, и тем не менее они воспринимают *запахи*, если только нет другого *чувственного восприятия*, кроме этих пяти. Но это невозможно. Ведь обоняние — *это восприятие того, что* имеет запах, и они воспринимают это, однако не точно

таким способом, но одних, когда они вдыхают, дыхание лишает покрытия, словно какой-то крышки (поэтому те, кто не дышат, не воспринимают), а другим, которые не дышат, не дано (испытывать) такого, как видно на примере глаз, (а именно), одни живые существа имеют веки, которые если закрыты, то видеть невозможно, а другие, глазные яблоки у которых твердые, не имеют, поэтому (у них) нет потребности ни в каком открывании, но видят они непосредственно, исходя из присущей им возможности.

Подобным же образом и любое другое живое существо не испытывает отвращения к тому, что издает зловонный запах само по себе, если ничто не грозит гибелью, но от таких (запахов) все равно можно погибнуть, так и люди испытывают головную боль, если вдыхают (запах) угля, и зачастую (даже) умирают. Так же остальные живые существа гибнут от запаха серы и асфальтообразных веществ, однако избегают его, наученные опытом (*διὰ τὸ πᾶθος*). И они не думают о зловонии самом по себе (однако многие растения имеют зловонные запахи), если только что-нибудь не присоединится к вкусу или к их пище. И кажется, что чувственное восприятие, связанное с обонянием, само по себе есть среднее между осязательными восприятиями (поскольку чувственные восприятия по числу нечетные, а нечетное число имеет середину), а именно между осязанием и вкусом, с одной стороны, и чувственными восприятиями, возникающими через иной (орган), а именно зрением и слухом, с другой. Поэтому обладание запахом есть некое изменение (*πᾶθος τι*) в питательных (началах) (а они в осязательном роде), а также (изменение) слышимого и видимого, поэтому и в воздухе, и в воде можно обонять. Так что обладание запахом есть нечто общее для тех и других и присуще как осязаемому, так слышимому и прозрачному. Поэтому и разумно (предложить такое) сравнение, что (обладание запахом) будто бы есть некое погружение сухого в

воду или в жидкость и (как будто похоже на) стирку. О том, каким образом можно говорить о видах запахов, а каким нет, будем считать, что сказано достаточно.

А то, что говорят некоторые пифагорейцы, неразумно. Ибо они полагают, что некоторые живые существа питаются запахами. Во-первых, мы видим, что пища должна быть сложной (да и те, кто получают пищу, не простые, поэтому и возникают пищевые отходы, или внутри, или снаружи, как, например, в растениях, когда вода, будучи сама по себе несмешанной, не доставляет питания, ведь телесное должно быть составным, а еще менее разумно (утверждать), что воздух уплотняется). Во-вторых, у всех живых существ есть место, принимающее пищу, из которого тело, вытягивая, получает (ее). А орган чувственного восприятия запахов (находится) в голове, и проникает (запах) вместе с паробразным испарением, так что, пожалуй, (он) поступает в то место, через которое осуществляется вдох. Итак, ясно, что имеющее запах, поскольку (оно именно имеет запах), не способствует насыщению. Однако, что (оно) способствует здоровью, ясно как на основании (самого) чувственного восприятия, так и на основании сказанного, так что то, (чем является) сок в питательном для принимающего пищу, тем же для здоровья (является) обладающее запахом. Итак, пусть о каждом органе чувственного восприятия в отдельности будет сказано таким образом.

VI

Пожалуй, может возникнуть затруднение, все ли тело целиком делится до бесконечности и неужели все изменения состояния (τὰ παθήματα) чувственно воспринимаемы, например цвет, вкус, запах и шум, а также тяжелое и легкое, теплое и холодное, жесткое и мягкое, или это невозможно? Ведь каждое из них способно вызвать чувственное восприятие (ποιητικὸν τῆς αἰσθησεως) (ведь говорят, что

все (это) приводит чувственное восприятие в движение благодаря (его) способности (приводиться в движение)), так что необходимо, если такова способность, чтобы и чувственное восприятие делилось до бесконечности и всякая величина была чувственно воспринимаемой (πάν εἶναι μέγεθος αἰσθητόν) (ведь невозможно видеть белое, если оно не связано с какой-то мерой). Ибо, если дело обстоит иначе, то, пожалуй, может быть и такое, что некое тело не имеет ни цвета, ни веса, ни какого-то иного подобного состояния (πάθος), так что вообще не воспринимается. Ибо все это (т.е. цвет, вес и т.д.) чувственно воспринимаемо. Ведь тогда чувственно воспринимаемое будет состоять из чувственно невоспринимаемого. Ведь, в самом деле, не из математических же величин. И далее, с помощью чего мы будем различать это и узнавать? Не с помощью ли ума? Однако (воспринимаемые вещи сами по себе) не являются умопостигаемыми (οὐ νοητά), а ум мыслит то, что вне его, только вместе с чувственным восприятием (οὐδὲ νοεῖ ὁ νοῦς τὰ ἔχοντα μὴ μετ' αἰσθήσεως). В то же самое время, если дело обстоит (именно) таким образом, то похотят, что в пользу тех, кто признает атомы, говорят (такие) величины. Ведь на этом основании, пожалуй, можно опровергнуть (наше) рассуждение. Однако невозможно, (чтобы существовали чувственно невоспринимаемые величины), а сказано о них в сочинениях, посвященных движению.

Вместе с тем проясняется и то, (как можно) их опровергнуть, а (также и то), по какой причине виды цвета, вкуса, звуков и прочего чувственного воспринимаемого ограничены. Ведь то, что расположено между крайностями, обязательно должно быть заключено в границах (этих крайностей). Противоположности же суть крайности, а все чувственно воспринимаемое имеет противоположность, например в цвете — белое и черное, во вкусе — сладкое и горькое. И во всем остальном существуют противоположные крайности.

сти. Ведь сплошное делится на бесконечное (число) неравных (частей) и на конечное — равных, между тем как то, что само по себе непрерывным не является, (делится) на ограниченное (число) видов. Следовательно, так как нужно говорить о претерпеваниях как о видах ($\tau\acute{\alpha} \mu\acute{\epsilon}\nu \pi\acute{\alpha}\theta\eta \acute{\omega}\varsigma \epsilon\iota\delta\eta$), а в них всегда присутствует непрерывность, то следует понимать (так), что одно в возможности ($\tau\omicron \delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota$), а другое — в действительности ($\tau\omicron \epsilon\nu\epsilon\rho\gamma\epsilon\iota\acute{\alpha}$). И поэтому одна десяти тысячная невидна, хотя зерно пшеницы видно, однако (и одна десяти тысячная была) увидена, и звук в интервале в четверть тона незаметен, хотя слышится вся мелодия, так как она непрерывна. А расстояние, лежащее между крайними (звуками), незаметно. И точно так же (обстоит дело с) совершенно малыми (долями) и в остальных чувственно воспринимаемых (величинах). Ибо в возможности они видимы, в действительности же нет ($\delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota \gamma\acute{\alpha}\rho \acute{\omicron}\rho\alpha\tau\acute{\alpha}, \epsilon\nu\epsilon\rho\gamma\epsilon\iota\acute{\alpha} \delta' \omicron\upsilon$), если только они не отдельные. Ведь в возможности величина в один фут присутствует в величине в два фута, а в действительности же уже в снятом (виде). И вполне понятно, что такие значительные различия, будучи отдельными, пожалуй, растворятся в том, что их превосходит, как капля в море. Впрочем, так как то, что превосходит чувственное восприятие, само по себе и не воспринимаемо чувствами, и не отделимо (ведь в возможности то, что превосходит, присутствует в более точном (чувственном восприятии)), то такое чувственно воспринимаемое, если оно будет отделено, нельзя будет воспринимать в действительности. Однако же все равно оно будет чувственно воспринимаемым. Ведь оно таково в возможности, а в действительности будет присоединяющимся. Итак, что некоторые величины и изменения ($\pi\acute{\alpha}\theta\eta$) незаметны, а также по какой причине и каким образом воспринимаемы, а каким нет, сказано. Всякий раз, как подобные (величины) присутствуют в чем-то, так чтобы быть в действительности чувствен-

но воспринимаемыми, причем не только как часть целого, но и отдельно, то они обязательно будут ограниченными по числу, (это касается) и цветов, и соков, и звуков.

Пожалуй, может возникнуть затруднение: в самом ли деле то, что воспринимается чувством, или движения, исходящие от чувственно воспринимаемого (каким бы способом ни возникало чувственное восприятие), когда они воздействуют, поступают сначала в середину (εἰς τὸ μέσον), как, например, действуя, появляется запах или шум. Ведь сначала запах воспринимает тот, кто находится близко, и звук доходит позже, чем удар. В самом ли деле так же (ведет себя) и видимое, и свет, как говорит Эмпедокл, будто сначала свет от солнца достигает середины, прежде чем достигнуть глаза, или земли. Пожалуй, кажется вполне вероятным, что так и происходит. Ведь то, что движется, совершает движение откуда-нибудь куда-нибудь, так что непременно существует какое-то время, в котором происходит движение от одного к другому. А все время делимо, так что было (время), когда еще ничего не было видно, но луч еще перемещался к середине. И если только (кто-нибудь) одновременно слышит и уже услышал все и воспринимает и уже воспринял как целое и если у него (т. е. у тако-го чувственно воспринимаемого) нет начала, но оно существует без возникновения, хотя (от этого) ничуть не хуже, как, например, шум, хотя удар уже произведен, еще не (достиг) слуха, — а ясно это и на примере изменения вида букв (ἡ τῶν γραμμάτων μετασχηματισίς), потому что, как говорят, движение происходит между (собеседниками), ведь кажется, что сказанное (может быть) не услышано по причине того, что перемещающийся воздух подвергается изменениям, — то неужели же таким образом (обстоит дело) с цветом и со светом? Ибо ведь, в самом деле, не в силу же того, что они находятся в каком-то (особом) отношении, одно видит, а другое может быть увиденным, например, потому что

они равны. Ведь тогда не было бы необходимости каждому быть в каком-нибудь месте, потому что для тех, которые становятся равными, нет никакой разницы, близко или далеко они друг от друга.

И вполне понятно, что это распространяется и на шум, и на запах. Ведь ⟨они⟩, словно воздух и вода, с одной стороны, непрерывны, а с другой — движение и того, и другого происходит по частям. Поэтому и получается иногда так, что первый и последний слышат одно и то же и одно и то же обоняют, а иногда нет. А некоторым кажется, что затруднение существует и относительно этого. Ибо невозможно, говорят они, чтобы один, будучи в одном месте, а другой — в другом, слышал, видел и обонял одно и то же. Не бывает же так, чтобы многие ⟨люди⟩, причем находящиеся вдали ⟨друг от друга⟩, слышали одно и то же, а также ⟨одно и то же⟩ видели и обоняли. Ведь это одно ⟨и то же⟩ само было бы удалено от себя самого. Или же когда совершилось первое движение, скажем колокольчика, ладана или огня, то все ли воспринимают одно и то же, причем одно по числу, а свое собственное как другое по числу, хотя по виду одно и то же, поэтому многие одновременно видят, обоняют и слышат? Однако все это не тела, но претерпевание (πάθος) и некое движение (ведь такого не случилось бы), но без тела, ⟨вызывающего такое претерпевание и движение⟩, не существует.

О свете же рассуждение иного порядка. Ведь свет существует в силу того, что он находится в чем-то. Свет не есть движение. В целом же он иначе ведет себя в изменении и передвижении. Ибо вполне понятно, что перемещения в первую очередь поступают в пространство между (εἰς τὸ μεταξὺ) (и кажется, что шум есть движение чего-то перемещающегося), а то, что изменяется, изменяется иначе. Ведь возможно только, чтобы изменялось все вместе (ἄθροον ἄλλοιοῦσθαι), а не сначала половина, так ведь вода замерзает вся сразу, а не так, что что-то будет больше нагреваться или

⟨больше⟩ замерзать: соседнее испытывает воздействие со стороны соседнего, а то, что подвергается изменению первым, меняется от того, что является причиной изменения, и все обязательно меняется одновременно и вместе. А чувственное восприятие вкуса было бы подобно запаху, если бы мы были во влажной среде и восприняли бы его с весьма большого расстояния еще прежде, чем коснулись ⟨того, что его вызвало⟩. И понятно, что не все из того, что расположено между органом чувственного восприятия ⟨и воспринимаемым⟩, одновременно испытывает воспринимающий, за исключением того случая, когда речь идет о свете, по причине вышеизложенной, ⟨а именно⟩ по той же самой причине, что и в случае со зрением, ведь свет является причиной зренья (τὸ γὰρ φῶς ποιεῖ τὸ ὁρᾶν).

VII

Есть и еще одна трудность, связанная с чувственным восприятием, а именно, можно ли в одно и то же неделимое время воспринимать две ⟨вещи⟩, или нет (πότερον ἐνδέχεται διεῖν ἅμα αἰσθάνεσθαι ἐν τῷ αὐτῷ καὶ ἀτόμῳ χρόνῳ). В самом деле, если большее движение всегда подавляет меньшее, почему ⟨люди⟩ и не воспринимают то, что движется перед глазами, если вдруг глубоко погружаются в свои мысли, или испытывают страх, или слышат сильный шум, то пусть и будет принято за основу, что и воспринимать можно лучше каждую вещь, если она простая, чем если она смешанная, например, вино неразбавленное ⟨лучше⟩, чем разбавленное, и мед, и цвет, и ⟨звук⟩ одной лишь только верхней струны лиры ⟨лучше⟩, чем в том случае, когда все вперемешку ⟨звучат⟩, по той причине, что они друг друга подавляют, в ⟨результате⟩ же появляется ⟨то⟩, из чего возникает нечто одно. В самом деле, если большее движение мешает меньшему, то, когда они происходят одновременно, и само ⟨большее⟩ непременно будет восприниматься хуже, чем если бы оно было одно. Ведь меньшее,

будучи смешанным, уничтожается в некотором отношении, если только все простое (в самом деле) воспринимается лучше. Следовательно, если разнонаправленные (движения) будут равными, то не будет чувственного восприятия ни того ни другого. Ведь в равной мере одно затемнит другое, и нельзя (будет) воспринять простое. Так что либо никакого восприятия не будет, либо из двух (возникнет) некое третье, что и получается, как явствует на примере того, что смешивается в тот момент, когда происходит смешивание.

Так как из какого-то (смешения того, что вызывает чувственное восприятие), возникает нечто, а из какого-то нет, то (это значит, что) все относится к другому чувственному восприятию (ведь смешиваются те, у которых крайности противоположны: ведь из белого и острого не возникнет единства, разве что привходящим образом, но не так, как (возникает) созвучие из высокого (звука) и низкого), и, следовательно, их невозможно воспринимать одновременно. Ибо, с одной стороны, если (разнонаправленные) движения одинаковы, то они уничтожают друг друга, так как из них не возникает одного (движения), а если они будут не равны, то более сильное произведет чувственное восприятие. И еще, пожалуй, душа может воспринимать одним и тем же чувственным восприятием одновременно больше, чем два (движения), которые относятся к одному (и тому же) чувственному восприятию, например высокий и низкий (звуки) (ведь скорее (такое) движение одновременно (происходит) в одном (и том же восприятии), нежели в двух (разных), например (движение) зрения и слуха), но в один момент одновременно невозможно воспринять два (движения), если только они не будут смешаны (ведь смешение стремится быть единством, а чувственное восприятие одного — одно, а одно (чувственное восприятие происходит) одновременно с самим собой), так что неизбежно, что смешанное воспринимается одновременно, потому

что оно воспринимается в действительности одним чувственным восприятием. Ведь у одного по числу в действительности одно (чувственное восприятие), а (у одного) по виду — одно в возможности. Поэтому если чувственное восприятие в действительности одно, то можно будет сказать, что и те (т.е. те причины, которые вызвали это восприятие) суть одно, следовательно, они обязательно должны быть смешаны. Значит, если они не будут смешаны, то в действительности будет два чувственных восприятия, но согласно одной возможности в течение неделимого времени необходимо существует одно действие (*κατὰ μίαν δύναμιν καὶ ἄτομον χρόνον μίαν ἀνάγκη εἶναι τὴν ἐνέργειαν*). Ведь у одного (чувственного восприятия) в один момент (есть) одно состояние, одно движение и одна возможность. Следовательно, невозможно одним чувственным восприятием одновременно воспринимать два (движения).

Однако если невозможно одновременно (воспринимать) те (вещи), которые относятся к одному и тому же чувственному восприятию, если в один и тот же момент их будет две, то ясно, что еще хуже можно одновременно воспринимать то, что (относится) к двум (разным) чувственным восприятиям, например белое и сладкое. Ибо кажется, что одно по числу душа связывает ни с чем иным, кроме как с одновременностью, а одно по виду (связывает) с различающим чувственным восприятием и образом действия. Я имею в виду вот что: одно и то же (чувственное восприятие) одинаково различает белое и черное, в то время как по виду они разные, а также сладкое и горькое (различает чувственное восприятие), тождественное себе самому, но иное по отношению к первому, однако разным способом (различают они) каждую из противоположностей, зато совершенно одинаковым образом то, что соответствует им самим, как, например, вкус (различает) сладкое, так и зрение — белое, как это (различает) черное, так и то — горь-

кое.

И далее, если движения противоположных ⟨сами⟩ противоположны, а противоположные не могут находиться вместе в одно и то же неделимое время, и если одному чувственному восприятию соответствуют противоположности, как, например, сладкое — горькому, то их, пожалуй, невозможно воспринимать одновременно. И ясно, точно так же ⟨обстоит дело и с теми чувственно воспринимаемыми⟩, которые не представляют собой противоположностей, ведь одни причастны белому, другие — черному; так же и с остальными, например, из соков одни причастны сладкому, другие — горькому. И смешанное одновременно ⟨воспринимать⟩ нельзя (ведь ⟨их⟩ соотношения относятся к противоположностям, например, одно дело — октава, другое — пять струн), если не воспринимать как одно. Так, соотношение получается единственным, ⟨если оно составлено из⟩ крайних членов. А иначе не ⟨получается⟩, ведь одновременно будет одно ⟨соотношение⟩ большего к меньшему или нечетного к четному, а другое — меньшего к большему или четного к нечетному. Поэтому чем больше удалены друг от друга и ⟨чем больше⟩ отличаются ⟨друг от друга⟩ те чувственно воспринимаемые, о которых говорят, что они принадлежат одному ряду, но ⟨относятся⟩ к разному роду, от тех, которые ⟨относятся⟩ к одному и тому же (я говорю вот о чем: сладкое и белое я называю стоящими в одном ряду, однако разными по роду, и сладкое от белого отличается по виду еще больше, чем черное), тем, пожалуй, меньше можно воспринимать их одновременно, чем одно и то же по роду. Так что если невозможно ⟨воспринимать⟩ эти, то ⟨тем более⟩ невозможно и те.

А в отношении того, что говорят некоторые из тех, кто ⟨рассуждает⟩ о созвучиях, а именно будто бы звуки доходят не одновременно, но лишь кажется, ⟨что это так⟩, неясно, правильно ли говорится, или нет, если время не воспринимаемо чув-

ствами? Ведь, пожалуй, в самом деле можно сказать, что кто-нибудь видит и слышит одновременно, потому что промежутки времени, которые лежат посередине, скрыты. Или же это неправда, и невозможно, чтобы время было не воспринимаемо, и *⟨невозможно⟩*, чтобы оно было скрыто, но любовью *⟨промежутков⟩* можно воспринимать? Ведь если невозможно, чтобы тот, кто воспринимает самого себя или *⟨что-либо⟩* другое в течение непрерывного времени, оставался в неведении, что он существует, и *⟨если⟩* есть некоторое *⟨время⟩* в *⟨этом⟩* непрерывном времени и оно такое, что не воспринимается в целом, то ясно, что тогда, пожалуй, *⟨воспринимающий⟩* не будет понимать, существует ли он, даже если он видит и воспринимает. И еще, пожалуй, ни время, ни вещь, которую воспринимают или в котором воспринимают, не существует иначе, чем таким образом, что *⟨человек⟩* видит в некий *⟨промежуток⟩* этого *⟨времени⟩* или *⟨видит⟩* некую часть этой *⟨вещи⟩*, если даже в самом деле есть некая величина времени или вещи, не воспринимаемая в целом по причине малости. Допустим, что *⟨некто⟩* видит сплошную *⟨линию⟩* и воспринимает *⟨ее⟩* в течение одного и того же непрерывного времени таким образом, *⟨что он воспринимает ее⟩* в некий промежуток этого *⟨времени⟩*. Пусть *⟨отрезок⟩* **ГВ**, *⟨обозначающий то время⟩*, когда не воспринимали, будет изъят *⟨из целого⟩*. Следовательно, *⟨человек воспринимает⟩* либо в какую-то часть времени, *⟨в течение которого он воспринимает целую линию⟩*, либо какую-то часть линии, наподобие того как он воспринимает землю в целом, потому что видит вот эту вот ее часть, и за год обходит ее, потому что *⟨делает это⟩* в течение вот этой вот части года. Однако же в *⟨промежутке⟩* **ГВ** *⟨человек⟩* не воспринимает, поэтому говорят, что, воспринимая *⟨промежуток⟩* **АВ** в некий момент времени, *⟨человек⟩* воспринимает время в целом и *⟨линию⟩* целую. То же самое рассуждение и в случае *⟨восприятия линии⟩* **АГ**. Ведь всегда

⟨воспринимается⟩ в какой-то момент что-то, целое же невозможно воспринимать. Итак, с одной стороны, все воспринимаемо, однако по размеру оно не кажется таковым, какое есть ⟨в действительности⟩. Ведь ⟨человек⟩ видит издали, что величина солнца составляет четыре локтя, но она же не является таковой ⟨на самом деле⟩, но иногда неделимо то, что видят как делимое. Причина этого изложена раньше.

Следовательно, из этих рассуждений ясно, что любое время чувственно воспринимаемо (οὐδεὶς ἐστὶ χρόνος ἀναίσθητος). Теперь же нужно рассмотреть то, что касается высказанного выше затруднения, а именно: можно ли одновременно воспринимать несколько ⟨вещей⟩, или нельзя. Под словом «одновременно» я подразумеваю «в одно и то же неделимое время по отношению друг к другу» (ἐν τῷ αὐτῷ καὶ ἀτόμῳ χρόνῳ). Прежде всего, можно ли воспринимать одновременно, но разными ⟨частями⟩ души, если ⟨это будет происходить⟩ в ⟨промежутке времени⟩ до такой степени неделимый, что он ⟨кажется⟩ совершенно непрерывным? Или же сначала ⟨нужно воспринимать⟩ одним чувственным восприятием, например зрением, если оно в один момент будет воспринимать один цвет, а в другой — другой ⟨цвет⟩, то оно получит те же самые части, правда более многочисленные по виду, ведь то, что воспринимается, относится к одному и тому же роду? Если же кто-нибудь станет утверждать, что, подобно тому как ⟨у человека⟩ два глаза, ничто не мешает, чтобы так же дело обстоит и в душе, то, с одной стороны, из них может быть, возникает некое единство и у них одна деятельность, а с другой — в том случае (т.е. в душе), если из двух ⟨возникает⟩ одно, оно и будет воспринимающим, если же ⟨они будут⟩ отдельно, то дело будет обстоять иначе. Далее, одних и тех же чувственных восприятий будет больше числом, подобно тому как если кто-то скажет, что знания различны. Ведь ни деятельности нет без со-

ответствующей ей возможности, ни чувственного восприятия — без соответствующей ему (способности).

И если они не воспринимаются в один и тот же неделимый промежуток времени, то ясно, что и остальные (не воспринимаются). Ведь скорее можно одновременно воспринимать это, если оно большее по числу, чем (если) разное по роду. В самом деле, если душа одной частью воспринимает сладкое, а другой белое, то или же из этого возникает нечто одно, или же не одно. Однако неизбежно одно. Ведь воспринимающая часть есть нечто единое. Но единство чего? Ведь не из этого же (т. е. из сладкого и белого) возникло одно. Следовательно, необходимо, чтобы у души было какое-то единое (время), в которое она все воспринимает (*ἀνάγκη ἅρα εἶναι τῆς ψυχῆς ὃ ἅπαντα αἰσθάνεται*), как и сказано выше, но один род с помощью одной части, другой — с помощью другой. Итак, в самом ли деле воспринимающее начало сладкого и белого есть нечто одно в той мере, в какой по действию неделимо, а когда становится делимым по действию, то разное? Или же как возможно в самих вещах, так и в душе? Ведь одно и то же по числу и белое, и сладкое, и многое другое. Ибо если даже свойства (*τὰ λάθη*) не отделены друг от друга, но бытие у каждого разное. Поэтому так же нужно полагать, что и у души одно и то же по числу начало, воспринимающее все, однако у тех, что одинаковы по роду, с одной стороны, и у тех, что одинаковы по виду, с другой, разное бытие. Так что, пожалуй, можно воспринимать сразу (несколько) в одно и то же (время), но не в одном и том же определении.

Итак, что всякая величина воспринимаема, и то, что воспринимаемое делимо, ясно. Ведь, с одной стороны, есть неопределенное расстояние, откуда, пожалуй, не видно, а с другой — ограниченное, откуда видно. Точно так же и с тем, что обладает запахом, и тем, что можно услышать, и со всем тем, что (люди) воспринимают, не прикасаясь к этому.

Очевидно, есть некий предел расстояния, откуда не видно, и ⟨тот⟩ первый ⟨предел⟩, откуда видно. И, конечно, непременно должно быть неделимым то, что, поскольку оно находится по ту сторону ⟨предела⟩, невозможно воспринимать, а ⟨поскольку оно находится⟩ в этих пределах, ⟨оно⟩ обязательно воспринимается. Действительно, если есть некое неделимое воспринимаемое, то, когда оно полагается на самое дальнее расстояние, откуда оно, будучи ⟨расположенным⟩ на дальнем краю, не воспринимается, а будучи ⟨расположенным⟩ на ближнем, воспринимается, получается, что оно одновременно и видимо, и невидимо. А это невозможно.

Итак, об органах чувственного восприятия и о том, каким образом обстоит дело с чувственно воспринимаемым и вообще, и согласно каждому органу в отдельности, сказано. А из того, что осталось, прежде всего следует рассмотреть память и деятельность, с ней связанную.